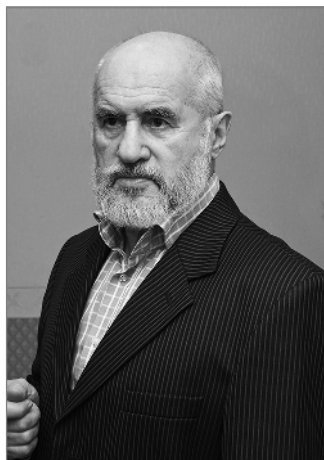

ПРОЗОПОЭТИЧЕСКОЕ ПИСАНИЕ ВОЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

так?! – возмутилась она. – У меня же образование, я же в учебных спектаклях... я же в кино...» – «Образование, родная, всего лишь фундамент. А дом, то есть, самого себя, человек строит сам». – «Дичь какая! – возмутилась она и тут же разлюбила Гришу. А чтобы он всё-таки запомнил этот их разговор, не преминула добавить: – И вообще, у тебя какая-то не режиссёрская фамилия – Зо-ло-то-зубов! Я бы поменяла...» – «А Товсто-ногов – режиссёрская?!» – вскочил он. Алла не нашлась что ответить. Хлопнула дверь и покинула театр.

Она вспомнила, что и в учебных спектаклях вуза была далеко не лучшая, даже хотели отчислить. И в двух кино у неё были такие роли, что её благозвучное имя Алла Мохова не попадало в титры. По сути, массовка. Можно было попробовать с другими театрами, которых в городе почти две сотни, но она не стала. Собрала всю свою волю в кулак и поставила крест на актёрской профессии. По совету матери-бухгалтера окончила курсы бухгалтеров и пришла работать в писательскую организацию.

Здесь она быстро освоилась, так как сразу поняла суть каждого творца, – все они желали только одного: чтобы их похвалили. И она, будучи в душе артисткой, хвалила их, как никто другой. И не только хвалила, но на творческих вечерах вдохновенно и осмысленно читала их стихи. При этом восхищалась как хорошими стихами и рассказами, так и такими, что, как ей часто казалось, могла бы «навалеть» и сама.

Шло время. Здесь, благодаря её деликатности и пониманию всей сложности взаимоотношений творцов с государством, которое отделило их от себя, как когда-то церковь, она пользовалась повышенным вниманием молодых, а иногда и не очень молодых литераторов. За её благожелательные отзывы об их сочинениях авторы дарили ей скромные подарки – кто шоколадку, кто свою новую книжку, кто какой-нибудь оригинальный сувенир типа чайной ложки с видами их прекрасного города, или красивую шариковую ручку.

Особенно неравнодушным к ней оказался модный автор известных детективов «Смерть Таракана», «Тропа ослов» и «Капитанская фига» Георгий Гладионов. Два раза он приносил ей розы. И, зная, что у писательского бухгалтера за плечами театральный институт, спрашивал, какой она любит театр, – и готов был тут же пригласить её в любой из них. Она смеялась, говорила, что на театр у неё стойкая аллергия, и нужно подождать, когда она пройдёт.

Тогда он стал приглашать её в гости, обещал подписать ей свою новую книгу, как только привезет из типографии. Аллочка смеялась. Говорила, что совершенно равнодушна к детективам. Георгий Гладионов не мог с этим смириться и внушал ей, что детективы надо любить, так как именно в детективах мы встречаемся со столь редкостным в последние годы положительным литературным героем. «Это да, – говорила она, – только в детективах отсутствуют дети. А я не могу читать роман или повесть, если там нет детей». – «Вам нужно влюбиться, тогда вы обретёте вкус к жизни, – настаивал он. – Моя кандидатура подойдёт?» – «Ой, ой, что вы! Я, когда влюбляюсь, то становлюсь такой дурочкой! И все от меня шарахаются». – «Экая вы капризуля», – рассмеялся Гладионов и оставил её в покое.

Здесь же она вышла замуж за талантливого, как утверждали писатели (особенно те, которых он в своих статьях похвалил), тридцатипятилетнего критика Павла Евгеньевича Темлякова. Это был рослый, худощавый мужчина, с небольшими зальсынами и карими, усмешливыми глазами. Разговаривать с ним одно удовольствие – всё знает и всё понимает. И её понял, когда узнал, что она по образованию артистка. «Это хорошо, – сказал он. – С такой матерью детям не будет скучно». И пригласил в Эрмитаж на выставку импрессионистов.

После выставки они зашли в «Литературное кафе» на Невском. Там он взял её за руку и сказал: «Я люблю Вас. И надеюсь на Вашу любовь». Его глаза источали ясный, тёплый свет, и Алла Николаевна, не найдя ответных слов, отдала ему и другую руку...

Поселилась она в его трёхкомнатной квартире с огромной библиотекой, и родила сына Федьку.

Красивая женщина, любящая жена и мать, она благодарила Бога за то, что не оставил её своим вниманием и со свойственной ему щедростью обозначил для неё счастливый путь.

Однако что-то мешало ей по-настоящему быть счастливой. Что-то не так лежало в её душе и заставляло беспокойно всматриваться в себя, тревожить себя, как она считала, «недопустимыми желаниями». «Может быть, не даёт мне покоя давняя неудовлетворённость, что не стала артисткой? – думала она. И тут же успокаивалась, видя, как поступают и какую чушь несут с экрана телевизора как молодые, так и немолодые артисты. – Жалко артистов, у многих из них, действительно, талант. А что они играют?.. Это – как микроскопом гвозди забивать...»

В детстве Алла Николаевна Мохова любила пирожные и мечтала стать кондитером. Но все кругом советовали ей в артистки. И были основания: выросла она изумительно красивой девушкой – тёмно-каштановые вьющиеся волосы, чёрные узкие брови, узкий ровный нос, большие задумчивые глаза и сочные, чувственные губы. Она была чуть выше среднего роста, с небольшой грудью, высокой шеей и тонкой талией. К ней цеплялись, чтобы она стала моделью, но отец, часовых дел мастер, отговорил, назвав всех моделей «вешалками для модных товаров».

Что ж, в артистки так в артистки, и она легко, в основном, из-за своей внешности, поступила в театральный институт...

Много лет назад она попробовала себя на репетициях в театре, благо у неё был знакомый режиссёр Григорий Золотозубов, с которым она училась в институте. Только она на первом курсе, а он уже на четвёртом. Аллочка, несмотря на его такую «вызывающую» фамилию, влюбилась в него, однако взаимности не дождалась. К тому же, вскоре он женился на другой студентке, мать которой была зам. министра культуры. Благодаря своему таланту и высокопоставленной теще, он почти сразу после выпуска стал режиссёром драмтеатра «Аристократ» (все последние годы зрители часто путали название и величали его «Казнокрад»). И пришёл, и наладил. И вернул-таки разбежавшихся зрителей.

Влюблённость в него Алочки Моховой режиссёр Золотозубов хорошо помнил и, видимо поэтому, считал себя обязанным ей помогать. Как только она окончила институт, предложил стать Элизой Дулиттл в «Пигмалионе». Она отлично знала роль, но на репетициях показала себя не к месту задумчивой и не способной на дерзость. У режиссёра Золотозубова не было и мысли, чтобы выпустить её в таком виде на сцену. И не выдержал, в сердцах сказал: «Всё, родная, на этом всё. Ты не подходишь для сцены. И если раньше актёры смеялись над тобой, а меня жалели, то теперь они тебя жалекют, а смеются надо мной». – «Но как же

Однажды позднемосенним вечером она и Федька были дома. Шёл сильный дождь, настоящий ливень. Восьмиклассник Федька учил уроки. Муж ещё на работе. Алла всё переделала, приготовила еду на завтра и хотела включить телевизор. Но, вместо этого, достала толстый блокнот, который купила недавно только потому, что на нём были изображены мама и маленькая дочка – обе красавицы, шатенки, и название блокнота: «*Время любви*». Покачала в руке, словно бы взвешивая, вспомнила, что ручку оставила на работе, и зашла к сыну.

– Помощь нужна? – спросила она.

– Пока что нет. А тебе?

– Дай мне какую-нибудь ручку, сынок.

– Тоже уроки делать?

– Пока не знаю. Может быть.

Федька снисходительно посмотрел на маму, покопался в широком стальном стакане с карандашами и ручками, выбрал самую лучшую и сказал:

– Делай. Я потом проверю.

Она плотно закрыла дверь за собой и присела на кухне к столу. Распахнула блокнот и стала жевать губами колпачок авторучки. Хотелось что-то написать, а что – не знала. Холодно и неприступно глядел на неё бледный, как будто живой, лист блокнота. И словно бы угрожал: «Только тронь!».

Закрывает блокнот, отодвинула от себя. Вытащила из ящика стола оплаченную за электричество квитанцию и на тыльной стороне её красиво вывела: «*СТИХОТВОРЕНИЕ*». Вздохнула и стала писать:

«За окном непогода, хлещет дождь проливной...»

И остановилась, дальше не было слов. Ходила по кухне, смотрела в окно. Дождь не стихал. Снова присела к столу. Рассматривала ручку, изучала в ней едва заметный голубенький шарик – ни с места. Мучилась, переживала. Но и радовалась, что в её голове, в беспокойном сознании, открылись новые просторы: с травами, садами, птицами, речками и плавающими в ней детьми; с маленькой бело-голубой церквушкой на другом берегу – со всем тем, что до этого существовало само по себе, а теперь вошло в неё и стало своим. Теперь это уже была не она, а кто-то другой... Или нет, всё-таки она, только в ином состоянии. И нашлось-таки продолжение: «...Насыщает природа землю мокрой водой. Я мечтаю в квартире быть счастливой всегда. Жить в согласье и мире. Да поможет вода».

Пробежалась глазами по строчкам и вспомнила, что стихи пишутся не так, а в столбик. Переписала в блокнот и прочитала Федьке.

– Знаю, Пушкин! – обрадовался он.

– Неужели?

– Точно говорю! У нас в учебнике был. В пятом классе.

– Но разве может Пушкин сказать о себе: «Я мечтаю быть счастливой»?

– И чё? Здесь говорит не сам Пушкин, а тот, про кого он пишет. Здесь может быть волчица, ведьма и даже вредоносная бактерия.

– Ты уверен?

– Мне пара горил, он знает!

Она не стала его разубеждать. Пушкин так Пушкин. Поцеловала в макушку и снова пошла на кухню. Хотела продолжить, но не получилось. Как-то сразу пропали слова, сколько ни думала. И она решила, что, если бы не показала сыну, могла бы написать ещё.

Для Павла Евгеньевича Темлякова работа критиком была чем-то вроде хобби. Медик по образованию, он печатал свои статьи о современной поэзии в скандально известном литературном журнале «Графоман». Точнее, поначалу скандальном, а потом откуда что взялось. Он стал на удивление популярным, с немалым для нынешнего времени пятизначным тиражом и четырьмя тысячами подписчиков.

Задумывался «Графоман» редактором Андреем Песчаным и его заместителем Павлом Темляковым как назидательное издание. Как орган, который должен образумить многочисленных борзописцев и положить конец их потугам пробраться в литературу. «Графоман» должен стать наглядным примером того, что получается, когда авторы, не отягощённые талантом, берутся «не за своё дело».

Кто-то сказал, что такой журнал уже существует, кажется, в уральском Челябинске.

– Ну, так что? – сказал редактор Андрей Песчаный. – Если какой-то театр поставил Короля Лира, так всем остальным театрам нельзя его ставить?

Выяснили, что в Челябинске выходит альманах, а не журнал. Значит, не имеет определённой периодичности. Решили, что если будут претензии, назовут своё издание «Русский графоман» и закроют тему.

Печатали за деньги. Желающих много. Покупателей тоже немало, уже не говоря о подписчиках. Ничего удивительного, страна думает, страна пишет. А главное, читает!

Самое непостижимое, что многие стихи, опубликованные в «Графомане», мало чем отличались от тех, что печатались в известных литературных журналах, а зачастую и превосходили их в том, что касалось качества рифмоплётства. «Графоман» становился популярным. Сюда несли свои рукописи не только неукротимые рифмачи, но и поэты с именем, авторы многих сборников и шумных публикаций. И очень обижались, когда журнал отказывал им в публикации, считая их стихи не графоманскими. По выходу каждого номера устраивались многолюдные презентации, вручались дипломы и даже премии за отдельные стихотворения и подборки.

– У нашего «Графомана» большое будущее! – с гордостью заявляла на презентациях главный редактор Андрей Песчаный. – Мы покажем нашим знаменитым собратьям – литературным толстякам – что значит тривиальная поэзия!

– У «Графомана» не только большое будущее, но и прекрасное настоящее! – уточ-

нял заместитель главного Павел Темляков. – Со следующего номера мы увеличиваем тираж ещё на две тысячи. Массы требуют!

– У нас в планах имеется мысль учредить в ближайшем будущем уникальное издательство «Графоман», – грозил Песчаный.

– У нас в ближайших планах имеется мысль открыть в самом центре нашего города кафе «Графоман», – усиливал впечатление Темляков.

Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.

Были сложности. Отдельные журналисты и представители общественных организаций отправляли по электронке свои статьи в целях не только устранить недостатки в какой-либо отрасли, но и «пропиарить» себя в качестве защитника «интересов города и горожан». «Графоман», ссылаясь на мнение редсовета, весьма вежливо отвечал им: «Учитывая серьёзность нынешней международной обстановки, мы не можем публиковать столь открытые материалы, дабы не обозначать для наших “западных партнёров” уязвимые места российской экономики».

Корреспонденты, как правило, соглашались. Но это не останавливало некоторых из них повторить попытку. Только уже в настоящее время, графоманском ключе, то есть, ни о чём. Тогда печатали.

Все свои «журнальные» деньги Павел Евгеньевич клал на сберкнижку. Он собирался выпустить авторский пятитомник критических и публицистических статей под общим названием «Птица, которую нельзя поймать». Изредка удавалось поработать над своей, растянувшейся на годы, диссертацией: «Роль союза “И” в русском стихосложении». Работа шла трудно – сказывалось то, что он не имел филологического образования. Но он не сдавался. Влюблённый в жену, сына и в союз «И», он продолжал своё дело. А на жизнь он хорошо зарабатывал врачом стоматологом в частной клинике. Даже неоднократно предлагал жене оставить бухгалтерское дело в нищей писательской организации и вплотную заняться воспитанием сына.

Алла Николаевна благодарила мужа, но не соглашалась. Ей по сердцу, в общем-то, несложная бухгалтерская работа, которая позволяла львиную долю времени быть дома и заниматься своими делами. А на работе её приводили в восторг такие рассудительные, такие чуткие ко всякому своему, даже случайному слову, художники пера. Почти каждый из них отличался особой речистостью. И это понятно: человек не должен молчать, коль есть что сказать. И не тихо говорить, а кричать, чтобы слышали. Канули в лету времена, когда считалось, что для того, чтобы тебя услышали, нужно говорить тихо. Нет, сейчас нужно кричать во всё горло, тогда услышат. И закатывать скандалы, тогда ещё и увидят.

Шли годы. Федька рос. Теперь он уже студент-медик. Влюблён в однокурсницу Риту и не надоедает родителям излишними требованиями.

Алла Николаевна пристрастилась писать стихи, которые никому не показывала,

даже мужу. А тот, заметив однажды, как она скорее прикрыла шкаф, когда он вошёл в комнату, словно что-то прятала, решил посмотреть. Дождавшись, когда жена и сын уедут на дачу поливать огород, обнаружил в шкафу под постельным бельём блокнот «Время любви». При этом обратил внимание на то, что почти половина листов вырвана. И с немалым смущением, что вторгается в запретное, стал читать:

ГРУСТНАЯ БАЛЛАДА О МОЛОДОМ Артиллеристе Ванюше, О Лихом Гусаре и Утратившей себя Девушке Ларе

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

За посёлком, возле речки,
Тешась нежными речами,
Ларочка с дружком сердечным
Здесь гуляла вечерами.

В детсаду она играла
На рояле детворе,
А детишки танцевали
Польку-Янку на ковре.

Кушала баранки с маком,
Опустив реснички вниз.
Был с ней друг Иван Собакин –
Молодой артиллерист.

Чудный малый. Верил в Бога.
Жизнь, любовь – всё впереди.
Отличался нравом строгим
И медалью на груди.

Целовал он по уставу,
Тут же «брал под козырёк».
В общем, парень был на славу,
В общем, классный пареньёк.

Ох, красавица, ох, Лора,
Как характер твой жесток.
Был солдат тебе опора,
Хоть и ростом невысок.

Он бы стал тебе и мужем,
И отцом твоих детей...
Но решила ты: «Не нужен,
Мне б гусара, поважней!»

И солдату ты сказала:
– Ах, прости меня, мой друг,
Не тебя я ожидала,
Мне с тобою недосуг.

И вздохнул солдат негромко,
Грустно звякнула медаль.
Дулом вниз надел винтовку
И пошёл, бедняга, вдаль.

И, забыв про все уставы,
Выбрал он конец простой, –
Застрелился на заставе
Под раскидистой сосной.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В летний зной являлся он,
Возглавляя эскадрон.
Чёрный ус, могуч, плечист,
В общем, да, кавалерист!

Лара встретила гусара,
Трепетная вся от жара.
Думала: «Ну, будет мой
Раскрасавец удалой!»

И сказал гусар-брюнет:
– Бабы есть, а водки нет.
Ты, мы знаем, пианистка,
Да к тому же не баптистка.
Запрягай свой лимузин
И сгоняй-ка в магазин.
Водки принеси, закуски –
Мы любви пожнём искусство.

А она в ответ: – Ей богу,
Денег у меня не много.
Денег нет и водки нет,
Не хотите ли конфет?

И ответил ей гусар:
– Что ж, тогда поищем бар.
Водки нет и дела нет,
И не надо нам конфет.
Мы победами живём
Над врагом и над бабьём.
Ты играешь на рояле,
Что ж, играй, мы едем дале.

Лара тут в ответ с укором:
– Побратались вы с позором.
Вы прыгучи, как блоха,
Иль невеста я плоха?

Подбоченился гусар:
– Ты же видишь, я не стар?
Как зовут тебя?
– Я – Лара.
– Ну, так чем же мы не пара?

Лара чуть не обомлела:
«Значит, сделано полдела».
Грудь свою рукой задела
И «Калинушку» задела.

И сказал гусар манерно:
– Ты прости, я слишком нервный.
Но, заметь: красив, умён,
Да к тому ж в тебя влюблён!
Глянь, на мне мундир весь новый.
Это – пуговицы, вот погоны.
Мускул тронешь – он дубовый,
Весь я для любви готовый.
Ночь умею напролёт
Петь, как соловей поёт.
Я имею все причины
Утверждать, что я – мужчина!
Вот каков я! Да при этом,
Я, к тому ж, рождён поэтом
И художником рождён,
Но... к седлу я пригвождён.
В общем, так: гусар я статный,
И весёлый, и опрятный,
Очень даже аккуратный,
С бабой тоже деликатный.
В раннем детстве шёл за плугом,
Резвый конь – моя подруга.
Стань подругой мне и ты –
Нету выше лепоты!..

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Ах, Ларисочка, ах, Лара!
Где твой юмор, звонкий смех?
Полюбила ты гусара,
Да самой себе на грех.

Полоскала ты портянки,
Начищала сапоги,
Ты была ему служанкой
И лишилась красоты.

Грудь твою пустою стала,
Сердце съедено тоской.
Ты – как женищина с вокзала...
Ох, Лариса, что с тобой?

А гусары? Что ж, гусары
Пели песни под гитары,
Пили водку, ели хрен,
Воевали девок в плен.

Веселились, как умели,
По ночам они храпели.
В общем, были тут при деле,
И ряды их не редели.

Ты ж, проплавав на конюшне
Всю-то ночь напролёт,
Вспоминала о Ванюшке,
Думала: «А вдруг придёт
Мой солдатик, добрый, милый,
К сердцу верному прижмёт.
Приласкает, приголубит,
Может, всё ещё он любит,
Может, замуж позовёт?»

Но не шёл боец Ванюша –
Уж таков покойный быт.
В поле он, под дикой грушей
В землю русскую зарыт...

ЭПИЛОГ

Ночь. Луна. Поёт кукушка.
Озеро. Обрыв крутой.
Привела росой девчушка
Лошадей на водопой.

Тучка вдруг луну задела.
Кони жадно воду пьют.
По ночной воде несмело
Искры лунные плывут.

По-над речкой спит посёлок.
Одиноко лает пёс.
Да у берега спросонюк
Что-то шепчет тихий плёс.

И девчушка входит в воду,
По щеке слеза ползёт...
Так идёт. И год от году
Всё грустит и счастья ждёт.

Повздыхал Павел Евгеньевич над искалеченной судьбой девушки Лары, поругал разбитного гусара за его чёрствость и глупую удаль и стал искать, у кого списала жена эту невероятную жуть с сапогами, названную балладой. Никто из поэтов не приходил ему в голову. «Может, я не всех знаю? Может, кто-то из новеньких? Но почему Алла со мной не поделилась, кого она переписывает? Что за тайна? Какая у неё связь с маракой, что кропает такие “баллады”?»

Долго прикидывал и так, и сяк, и ничего не приходило в голову, кроме ревности. Значит, моя драгоценная Аллочка втихара от семьи упорно переписывает чьи-то стишата, надёжно, как она полагает, прячет их, а на самом деле... И востепенулся: «Как! Это написала моя жена?! Да как такое могло случиться?... Она что, с ума сошла?... Да, есть, есть недостатки, грубые поделки. Сам строй стихотворения мужской. Обилие нестрогих рифм: “детей – поважней”, “сапоги – красоты”. Вульгарные, непозитичные просторечия: “прыгучи, как блоха”, “потускнела и дошла”... И в самом начале, во второй строфе? неизвестно, почему детсадовские детки пляшут польку-Янку на ковре? Это ж неудобно, можно зацепиться и упасть... Пускай лучше пляшут во дворе... Но есть, есть душа. А эпилог? Разве нет в нём поэзии?!»

Он сел и задумался, почему Алла выбрала своим героем не беззаветного, отважного предка, а глупого, самодовольного гусара, от которого разит винищем и табачищем. Должна же быть в литературном творении прямая нравственная линия? Может быть, по её мнению, отрицательный герой тоже бывает полезным? Или что-то другое, чего я не понимаю?..

Сидел, долго не открывал блокнот, боясь новых откровений. Но, кажется, улеглось, можно страдать дальше. Вот вторая жемчужина и называется она –

КОЛЬ И ТЫ ЗАЙМЁШЬСЯ

ДЕЛОМ

Назидательная история

*Жил на свете простачок,
Глупость скажет и – молчок.
Грозно взглянет и – пока.
Миг и – нету простака.*

*Наш герой Матвей Мурлов
От рожденья нездоров.
На зарядку – стыд и срам –
В плавках бегал по утрам.*

*Мы хотели приструнить,
Через марлю процедить,
Но уж как-то так сошлось,
Что цедилки не нашлось.*

*Что нам делать, как тут быть?
Как Матвея осадить?
Иль ума ему добавить,
Или в погреб посадить?*

*И сказал Илья, поэт:
– Поведём его в балет.
Пусть увидит этот шут,
Как там красоту куют.
Может, голый наш чудак
Вдруг поймёт, что он простак.*

*А в театр – стыд и срам –
Наш Матвей, упитый в хлам,
Генералом втёрся в зал
И на сцену пошагал.*

*Все артисты – кто куда,
Кто-то вскрикнул: – Ой, беда!..
Мигом сорван был балет –
И стыда на Мотю нет.*

*...Был ещё один такой,
Только тот из «адмиралов»,
Он военный не простой –
Сочинитель мадригалов!*

*Был да сплыл. И стал развенчан
И с позором устранён.
Подзатыльником отмечен,
На покой препровождён.*

*В колье фотка, где во ржи
Средь ромашек он лежит.
Скажем здесь без лишних слов –
Вот сорняк из сорняков.*

*Ваш пример – иным наука –
Не рядитесь, господа.
Вы в мундирах – только куклы,
Накипь и белиберда...*

*А Матвей? В мундире ходит
По балтийским берегам,
Видно, радость он находит
В том, что так противно нам.*

*Решено: не отступать
И Матвея наказать.
Но уж как-то так сошлось,
Что нагайки не нашлось.*

*Жаль, Матвей, что оторвался
Ты от поля, от сохи.
И чтоб слишком не зазнался,
В пастухи, брат, в пастухи!*

*И прислушался Мурлов,
Фермер стал, завёл коров.
Что ещё о нём сказать
И всю правду показать?*

*Обзавёлся он женой,
Синеглазой, озорной.
Днём играет с малышом
И не ходит гольшом.*

*Значит, истина проста:
Никогда не пей полста.
Пей все сто и будь здоров!
И с утра паси коров.*

*...Коль и ты займёшься делом,
А не только грешным телом,
То судьбу возьмёшь за хвост
И построишь к счастью мост.*

*Будут у тебя коровы,
Ноутбук, мобильник новый,
И жена, и в жизни смысл...
В общем, к лучшему стремись.*

*Средь коров и среди людей
Ты всегда собой владей.
Лет под сотню проживёшь,
Всё объёмлешь, всё поймёшь.*

*Не поникнешь головою
И поладишь сам с собою,
И-и-и-и-и-и-и-и-и-и...
...На пенсию уйдёшь!*

Задумался Павел Евгеньевич. Странные, казусные стихи. Их можно даже петь на мотив знаменитой песенки «Ах, Самара

городок». Напоминают кого-то живого, до боли знакомого... Ох, Аллочка, прервёт он твою бухгалтерскую карьеру, если увидит в твоём герое себя, так и знай... Жёсткий взгляд на жизнь, острая авторская ирония, переходящая в сарказм... Нет, не Алла. Не могла моя милая, женственная Аллочка столь решительно вторгнуться в коллектив, где она – уважаемый бухгалтер... Скорее бы с дачи вернулась, нужно обсуждать и разбираться... А, собственно, в чём, в чём разбираться? Жизнь настолько изменилась, что наши бесстрашные жёны могут... Что, что они могут?! Нет, поседеть можно, если это Алла... Да, но что там дальше? – поторопился он, пока оставались ещё силы читать. А-а, вот оно что! Есть Гавриладида, а у неё –

ГАЗОВАНИАДА

Поэма

о возобновляемых природных ресурсах, которую я нашла в старом сундуке на берегу Ладожского озера, недалеко от Шлиссельбургской крепости

*Дядя Ваня как-то раз
Гролом пукнул в унитаз...
Что тут сделалось у нас! –
Разлетелся унитаз,
Распаялся керогаз,
Раскололся контрабас,
А у нашей дочки Майки,
Ах, у нашей бедной Майки,
Ты представь, у нашей Майки
Закосил вдруг левый глаз.*

*Во дворе мы стали жить
И сантехникам звонить.
Те мгновенно прибежали,
Порешали, помолчали.
А потом один из них говорит:
– Чтоб работать нам у вас,
Нужен тут противогаз, –
Видно, газовая жила здесь у вас...
И толпою друг за дружкой
прямо в дверь,
Будто вслед за ними
гнался лютый зверь.*

*Ну, мы тут же керогазников зовём,
А иначе все от голода помрём.
Керогазники торопятся, бегут,
На ходу уже паяют и куют.
Но как только в коридор они вошли,
Молча встали в позу: «Не дыши!»
А потом один из них говорит:
– Чтоб работать нам у вас,
Нужен тут противогаз.
Покраснели от неловкости чуть-чуть
И отправились гурьбой в обратный путь.*

*Всей семьёю мы настройщика зовём,
Может, к счастью,
контрабас ещё спасём.
Унитаз и керогаз – не та беда,
А вот как без контрабаса, господа?!
Но приходит от настройщика отказ:
– Не смогу. У вас там – ядовитый газ!..
Видно, слухами наполнилась земля, –
Знать, без музыки погибнет вся семья.*

Что же делать?

*Что тут срочно предпринять?
Как нам ход событий предсказать?
И каких ещё несчастий ожидать?
Может, хватит сокрушаться
и страдать?*

Может, хватит

*горьки слёзы проливать
И родного дядю Ваню проклинать?
Но сердито приказала наша мать:
– Надо срочно Сивку-Бурку оседлать
И для Майки за профессором скакать,
Чтоб её от косоглазия спасать.*

Оседлали Сивку-Бурку,

Понеслись по переулку.

И прошёл, быть может, час,

Как профессор тут, у нас.

И захохотал наш профессор: – Ох, да ох!

Я ослеп от газа и оглох.

Не профессор здесь вам нужен,

нет, друзья,

Лишь геолог вам поможет, а не я.

В Управление геологам звоним,

Приезжайте поскорее, говорим,

Потому как по квартире здесь у нас,

Будто волнами, природный ходит газ.

Что вы думаете? Суток не прошло,

Как письмо нам от геологов пришло:

«Выезжаем. Заодно благодарим.

Мы уж восемь лет

как с планами горим!»

Утром ранним к нам геологи пришли,

Инженеров и рабочих привели.

Трубы толстые на МАЗе подвезли.

Дядю Ваню вмиг по запаху нашли.

И сказали: – Сделай вдох и не дыши...

Тут же газовые трубы подвели,

Покопались, кто-то крикнул: – Ну, давай!

И приказывает главный: – Открывай!

И теперь хотим порадовать мы вас –

Есть у нас в районе свой природный газ!

Нам сантехник переменит унитаз,

А настройщик вновь наладит контрабас.

Стал опять прямым у Майки левый глаз,

И ненужным оказался керогаз...

В общем, честь и хвала дяде Ване –

Газ давать – это тоже призванье!

– М-да, лопнуть можно, Барков позавидует!.. «Пукнул», видите ли! Для того данный предмет и существует... Хотя можно было написать «стрельнул», или как-то ещё... Я не знаю, кто это написал, но это написал талант, – вслух подумал Павел Евгеньевич. – Графоманский талант! – уточнил он и положил блокнот на место. – Какое воображение! Какая страсть! И поразительно, что всё это создано почерком моей жены. То-то я стал замечать, что она частенько говорит о наших поэтах. Причём, грамотно, с пониманием особенностей и находок... Из домашней библиотеки не вылезает, чаще всего Грибоедова и Козьму Пруткову нахваливает... И что теперь? Учинить допрос?.. Причём тут Ладожское озеро и Шлиссельбургская крепость?.. Ну да, ещё школьницей теплоход возил её с одноклассниками на Валаам, но причём тут рукопись?.. Поставить условие: или – или?

Или подождать, когда сама... Что, что сама, если до сих пор она даже не заикнулась о своих бдениях и трудах? И не только со мной, но и с Федышкой. И почему она предпочитает старомодные блокноты для стихов, а не компьютер? Тайна, да? Или как? Значит, у моей жены есть тайна?.. Кто-то из поэтов утверждал: «У женщины должна быть тайна, без тайны женщине нелзя...» Но тайна тайне рознь, а здесь... Всем бы женщинам такую тайну, вот что я скажу тебе, критик-стоматолог!.. Где они? пора домой!..

На входе звякнул замок – вернулись жена и сын. Павел Евгеньевич, чтобы окатиться при деле, открыл холодильник.

– Как съездили? – спросил он, собирая на стол еду.

– Отлично! – сказал сын. – Во, сколько клубники и огурцов припёрли!

– Знаешь, Паша, Касаткины теплицу построили, такие помидоры в ней. А перец! Может, и нам такую?

– Сделаем, если хочешь, – сказал он, всматриваясь в её лицо.

– Что у меня? – напряглась она и пошла к зеркалу.

– Ничего, я так, – сказал он. – Соскучился.

После ужина Федька отправился к себе. Алла Николаевна принялась мыть посуду. Павел Евгеньевич, поколебавшись, достал из шкафа блокнот и положил на стол. Она мельком взглянула и спросила:

– Что, уже прочитал?

– Ага, нечаянно.

– А кто тебе разрешил?

– Никто. Но ведь никто и не запрещал.

– Удивился?

– Нет. Писательская семья, всякое бывает.

– Нелепицы написала?

– Почему? Хотя, может объявиться и тот, кто скажет, что ты пишешь нелепицы. Между прочим, на нелепицах построены все самые лучшие сказки. Мировые сказки: «Аленький цветочек», «Конёк-Горбунок», «Золушка»... Занятно, что другие начинают с коротких стихов, а у тебя сразу баллада, история, поэма.

– Были и короткие, но я их выдрала.

– Не нравились?

– Какие-то они, будто бы не мои. Не из меня. И эти, что ты прочитал, какие-то пустые, ни про что. Но мои.

Павел Евгеньевич покивал головой, отчего-то вздохнул. И сказал:

– Здесь я с тобой не могу согласиться. Вот взять хотя бы твою балладу. О чём она? О барышнях, неудовлетворённых тем, что они имеют, и гоняются за тем, что им не принадлежит. И в легкомысленной погоне теряют последнее. Это же касается их внешности, когда они, с огромным трудом накопив денег, бегут к пластическим хирургам и кромсают себе носы, губы и прочие цацки. А потом ужасаются и рыдают, глядя на себя в зеркало.

Алла Николаевна слушала мужа и радовалась его подходу. Сама она в своей героине видела лишь неудачницу, которой крупно не повезло с красавцем-гусаром. Ей бы самой такое понимание, как у Павла, уж она бы сказала своё слово!

– Будешь и дальше сочинять? – спросил он.

– Да. Задумываюсь о романе в стихах.

– И тема есть?

– Пока не знаю. Я всегда начинаю без темы, иду от первой строчки. А дальше само ведёт, только записывай. У меня первая строчка самая трудная. Но и самая плодотворная.

– А когда стихотворение уже написано, тебя оно сразу отпускает или ещё какое-то время держит?

– Да, бывает. «Назидательная история» долго не отпускала. Уж я возвращалась к ней, возвращалась. И вышла она словно вымученная, не такая, как другие.

– Как героиня, такова история. Откуда он у тебя? Случайно, не наш ли знакомый, которого мы с тобой хорошо знаем?

– Нет, он один меня бы не вдохновил. Это, как ты говоришь, собирательный образ. От многих по чуть-чуть.

– Ещё мне интересно, почему ты пишешь в блокноте, а не на компьютере?

– Пробовала. Во-первых, плохо получается, будто чужое. Во-вторых, боялась, что ты и сын прочитаешь.

– Ну и ну. Истинная подпольщица!

Павел Евгеньевич замолчал, не зная, о чём дальше расспрашивать и что говорить. И осенило:

– Публиковать собираешься?

– Ты советуешь?

– Нет. Хотя, при желании, можно дать в «Графомане».

– Стыдно не будет?

– Другие-то не стыдятся. Главный недостаток твоих стихов – нет школы.

– Ну, как говорится, чем богаты...

– Зато есть у тебя авторская позиция. Ты пишешь добро и для добра.

– Я специально не думала, само так выходит. Всё у меня от первой строчки, – она опустила глаза и хихикнула.

– Если хочешь, могу предложить кому-нибудь из хороших поэтов – как подстрочник. Они поработают, доведут...

– Ещё чего! Пускай своё «доводят». А для меня и так сойдёт. В конце концов, и группы крови разные. А тем более стихи.

– Так это же кровь! А ты пытаешься воду выдать за...

– Не обижай меня, я ничего плохого не сделала. И даже никому не показывала.

Павел Евгеньевич перестал дышать и проглотил вдруг возникший в горле тугой комок. Не найдя слов для утешения жены, принёс из прихожей портфель, с которым ходил на работу и на писательские собрания. Достал из него листы бумаги, на которых пестрели строчки стихов. Выбрал два из них и стал читать:

НАСТРОЕНИЕ

Я в деревне родилась,

В ручейке купалась.

С трактористом обнялась

И поцеловалась.

Дереvenьку я люблю,

Под гармонику пою.

*В ней на каждую берёзку
Я по ленте привяжу.*

*Деревенькой я горжусь,
Трактористу пригожусь.
Выполняет план Петрусь –
За него я не боюсь.*

– Как мило! Чьи это?
– Подожди, вот ещё:

ЭЛЕГИЯ

*Пойду утоплюсь. Или выпью вина.
Всю жизнь прожила я в деревне одна.
И сердце моё – заржавелый мотор,
Не любит, а бьётся. Позор мне, позор!*

*В годину лихую танкисткой была
И сердце своё от солдат берегла,
Но сердце не рубль, а солдат не матрос.
Подкрался полковник и сердце унёс.*

*Теперь я без сердца – и грустно так мне.
Качаются ветки сирени в окне...
Я сына качаю, и слёзы я лью,
Ах, где моё сердце? Кого полюблю?*

– Бедная женщина. Кто она?
– Ты её знаешь. Уборщица в писательской
организации, Мира Викторовна.

– Да ты что! Но разве она воевала? Она
же по возрасту...

– Тут возраст не её, а лирической героини.
А лирическая героиня может воевать.
Может на луну летать. И даже на солнце. И
не обжечься.

– И она тебе дала свои стихи?
– Как видишь. Сказала, хочет услышать
«мнение специалиста».

– И какое мнение?

– Стихи как стихи, опубликуем в «Графомане».
Дадим небольшую биографическую справку
и напечатаем.

– А мои?

– Можем и твои. Под рубрикой «Новое имя».

– Как-то не знаю... Надо подумать. Вдруг
увидю свои стихи напечатанными, испугаюсь
и больше ничего не напишу?

– Тоже неплохо. Значит, всё, что у тебя
созрело, ты выразила. Собрала урожай и
загнала в гараж зерноуборочный комбайн.

– Да, но журнал-то «Графоман»? И меня,
как начинающего графомана...

– Почему начинающего? Начинающие
пишут о берёзках. О неразделённой любви.
О страдальце России. То есть то, что под
рукой, о чём писали до них сотни других
графоманов. А ты пишешь о том, чего не было,
и это удача. Пушкин сказал: «Над вымыслом
слезами обольюсь...» К тому же, лично
я люблю сюжетные стихи, а твои именно
такие.

Он посмотрел другие листки Миры Викторовны,
хотел ещё что-то прочитать, но передумал.
И сказал:

– Чем отличается графоман от поэта?
Графоман не понимает, что другие это делают
лучше. Не понимает и не желает понимать,
вот в чём заковыка.

Алла Николаевна ополоснула последнюю
чашку и поставила на полку.

– Может, надо запретить нам переводить
бумагу? – спросила она. – Сколько леса
уходит...

– Кто вам запретит? К тому же, с приходом
компьютера бумага не нужна. А нашему
журналу даже благо, что вы... то есть,
что они есть.

– Да, я знаю! – оживилась она. – Тем
более что делают они это бескорыстно. Как
тимуровцы.

– Вот здесь ты ошибаешься, дорогая.
Есть даже очень корыстные заразы. Например,
сценаристы большинства телесериалов.
Позаканчивали в Москве сценарных
ремеслух и такую лопухню гонят. В расчёте
на то, что артисты постараются вытянуть.

– Те, которые стараются «вытянуть»,
тоже не артисты, – сказала она. – Уважающий
себя, своё искусство артист не покусится
на абы какую ахиною. Даже из-за денег.
Помню, на встрече с Алексеем Баталовым
мы спросили, почему он не играет в
современных фильмах. Так он нам:
«А назовите мне хотя бы один фильм, в
котором я мог бы сыграть». Мы не назвали.

– Всё правильно. Потому что кино
бывает лишь в том случае, если есть
литературная основа. А нет её – выходит
манная каша с отрубями и пистолетом.

– Эх, хорошо быть критиком! – рассмеялась
она. – Только критики не бывают графоманами.

– С чего ты взяла?

– Разве не так?

– Сколько угодно. Особенно критики с
корыстно-дипломатическими наклонностями.
Эти идут не от того, что они критикуют,
а от того, кого они критикуют. И, в зависимости
от могущества и материальной состоятельности
критикуемого, высказывают своё понимание
в сторону повышения или понижения.

– Надо же, я никогда об этом не задумывалась.

– А самыми ядовитыми бывают критики-лжецы.
Они знают, что лгут, но по каким-то
причинам, прежде всего из зависти, а так же
цеховой или партийной принадлежности,
пишут гнусь. Или если уж совсем не над чем
изгаляться, то находят другой способ.
Например, что у такого-то писателя «при
его таланте мастерски изображать характеры,
отсутствует философская жилка». Это как
если бы сказать об одарённом артисте:
«Конечно, поёт он тенором хорошо, но вот
басом не может». Разве не так?

Она не ответила. Отступила от раковины,
поцеловала мужа и ушла стелить постель.
В голове её бушевала метелица из мыслей
и слов. Но тут возникла и сначала робко,
а затем решительно стала пробиваться
в сознание первая, «самая плодотворная»
строчка будущего романа в стихах.

Алла Николаевна уронила подушку на
кровать, метнулась к столу и стала записывать:
«Я мужа полюбила навсегда...»

*Петербург.
Октябрь, 2018 г.*

